

Анастасия Якушева

Тень и меч

18+

Анастасия Якушева

Тень и Меч

<https://litres.ru/74009761>

SelfPub; 2026

Аннотация

Талла — крылатая наемница-вампир, чьей жизнью управляет голод. Она живет среди трущоб и бедняков — там, где человеческая жизнь стоит меньше краюхи хлеба. Но однажды заказ приводит ее в богатый район, и все идёт не по плану: она ранена, а потом кто-то заказывает и её саму.

Аксель — гвардеец, аристократ из обедневшего рода. Меч и выцветший герб — всё, что у него осталось, но красивое лицо и умение обходиться с женщинами помогают сводить концы с концами среди мрамора — там, где человеческая жизнь ничего не стоит без влияния и капитала.

Она не знает, кто её заказал. Он не знает, кто разорил его отца. Но их пути пересекаются в опасной интриге, где события прошлого и настоящего оказываются связаны. И только объединив силы, они смогут распутать этот клубок — потому что нити уже оплели весь город, от трущоб до самого дворца.

Книга участвует в конкурсе черновики и публикуется "из-под пера". Возможны шероховатости

Содержание

Глава 1. Сумерки над Суфаром	4
Глава 2. Хлеб насущный	16
Глава 3. Скажи мне, кто твой враг	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Якушева

Тень и Меч

Глава 1. Сумерки над Суффаром

Аксель

Солнце раскаленными лучами поливало открытую площадь. Аксель стоял у помоста, положив ладонь на эфес меча, и изнывал от жары в парадной офицерской форме. На помосте судья зачитывал приговор. Аксель не слушал. Эхо чужих голосов сливалось в назойливый высокий писк и перекатывалось тугими волнами растущей мигрени. Парадная форма, скроенная по канонам северной метрополии, превратилась в духовку.

Но вот судья замолчал. Краем глаза Аксель заметил, что палач поднял топор. Все казалось медленным, словно застывшим в густом, липком меде. Осуждённый завыл молитву. Толпа завопила и навалилась на оцепление. Аксель почувствовал, как боль заползает внутрь глазных яблок и сдавливает их изнутри.

Над помостом хе-кнуло.

Удар.

Хруст костей.

И в духоте поплыл металлический привкус.

Аксель нетерпеливо переступил с ноги на ногу: еще немного и можно будет покинуть эту жаровню.

Наконец, судья возвестил об окончании казней, и рядовые принялись теснить толпу, очищая площадь. Аксель уже сделал шаг к боковой улочке, мечтая о том, как сможет упасть на кровать и переждать приступ головной боли, когда его окликнули:

— Эй, Аксель!

Он обернулся: парень был из знатных, но слишком смуглый для валлийца, да и ростом низковат, возможно, из первой волны колонистов, когда еще охотно брали местных жен.

— Как насчет холодного пива после такой жары? — предложил парень.

Боль буравила висок.

— Ослиная моча — это твое местное пиво, — процедил Аксель.

— Ах, извини, валлийская светлость, мы столичных изысков не пробовали.

Парень сплюнул под ноги и демонстративно отвернулся.

— По тебе видно, — пробубнил ему в спину Аксель и нашел взглядом молодого парнишку, из младших гвардейцев, — эй ты. Сюда иди!

Парнишка подскочил. Аксель стянул плащ и швырнул пареньку. Расстегнул гербовую кирасу и положил сверху.

— Головой отвечаешь, — прошипел сквозь боль, — отнесешь в казарму, почистишь и завтра отдашь мне в руки.

— Слушаюсь, мсье, — парень накинул плащ поверх мундира и перекинул кирасу через руку.

Но Аксель не видел. Он отвернулся и с прямой спиной зашагал к ближайшей улочке. Зрение сузилось до узкого, нестерпимо яркого туннеля. Сегодня возвращаться в казённые комнаты он не будет — проклятые мигрени делали из него немощного паралитика и выворачивали нутро наизнанку. Блюющий столичный маркиз станет лучшим развлечением всей казармы на ближайшие несколько лет. Даже нищий и с отцовскими долгами вместо наследства он местным аристократишкам поперек горла.

Нужно было поскорее добраться до знакомой ночлежки, забиться в темную чердачную комнату и раствориться в тошнотворном пульсирующем киселе головной боли. Лишь бы успеть, пока его не начало рвать.

Талла

Талла прижалась к плоской крыше и наблюдала за улицей. Солнце дрожащей золотой каплей быстро стекало за зубчатый край Соляных кряжей и погружало город во тьму. Последние жители бегом залетали в двери, присыпали пороги солью и кропили косяки жертвенной водой. Запирали тяжелые засовы и ставни. Талла улавливала шорохи задвижек и

обрывки торопливых молитв своим чувствительным слухом.

Она оглядела улицу в обе стороны и плавно перескочила на соседнее здание. Потеряла равновесие. Выровнялась и снова припала к краю. Нос ловил тяжелые мускусные отголоски мужчин, еще недавно наполнявших улицу. Низ живота скрутило спазмом: сегодня Луна взывала к естеству, а она не успела ответить — ухватилась за внезапный заказ. Теперь придется терпеть, пока не закончит дело. Заказчик говорил, что хозяин ломбарда — лишь шестерка. Настоящий зверь сидит во дворце. Но кто — не сказал.

Солнце полностью скрылось за горным хребтом, небосвод почернел и заискрился звездами. Фонарей не зажигали — ни к чему, ночью на улицах правят демоны, а люди сидят по домам. Лучшее время, чтобы заниматься темными делишками, особенно если ты невидима для этих демонов.

Талла спустилась с крыши и юркнула в тень навеса. Просунула узкую металлическую ленту между ставнями и подцепила задвижку. Ставни распахнулись. За ними виднелась тяжелая кованая решетка. Она прислушалась — хозяин топтался наверху. Даже с улицы она слышала его неровное одышливое дыхание. Просунула руки между прутьями и на ощупь поковыряла отмычками в замке. Уши уловили шуршание песка где-то совсем рядом. Талла обернулась.

Медлительная светлая фигура тащилась по улице в ее сторону, подволакивая негнущиеся ноги и разевая черный провал рта.

Замок решетки щелкнул. Талла толкнула и скользнула внутрь.

Фигура прошаркала мимо.

В помещении было темно, но ее чувствительным глазам это не мешало. Пахло старьем, дешевыми благовониями и мужчиной — не молодым, но еще в форме. Она сглотнула и стряхнула наваждение. Луна подождет, ей нужны деньги. Длинные прилавки высотой по пояс перегородивали прямоугольное помещение. В углах топорщились какие-то неясные нагромождения. В дальней стене зиял провал — лестница.

Талла обошла прилавков и осторожно двинулась к противоположной стене. По мере приближения лестница вырисовывалась все отчетливее. Крутая. С поворотом. Ступени узкие и, судя по кислотоватому отголоску в запахе древесины, ослабленные древооточцами, а значит, будут скрипеть.

«Неряха», — подумала Талла, — «не поверю, что хозяин ломбарда себе на ремонт не заработает».

Она всунула голову на лестницу и поглядела наверх, оценивая высоту. Подобралась, в несколько шагов оказалась на втором этаже и метнулась к комнате, за которой пыхтел хозяин. Распахнула дверь. Желтый свет лампы резанул по глазам. В нос ударил запах мужского немытого тела. На кровати застыл толстяк в распахнутой рубахе. Низ живота обожгло. Хотелось стащить рубаху и взять его прямо там. Она с трудом стиснула нож и прыгнула. Ткнула в шею. Неудачно — в артерию не попала. Толстяк захрипел, и вдруг боль

вспорола ее правый бок.

Талла отшатнулась.

В пухлой руке, наполовину скрытой цветастой подушкой, был зажат длинный четырехгранный стилет.

— Дерьмо, — выругалась Талла.

— Дура, — прохрипел толстяк, — ты хоть знаешь, чей я человек?

— Плевать. У меня свой человек, который заказал тебя.

— Сдохнешь — и ты и твой заказчик. Весь город будет на вас охотиться.

— Говори сколько хочешь — сначала сдохнешь ты.

Она пырнула ножом. На этот раз точно.

Толстяк забулькал. Кровь обильной волной хлынула на взбитую постель. Запах перебил мускус, и в голове немного прояснилось. Талла отошла и прижала бок. Оттуда при каждом движении сочились горячие струйки.

«Дерьмо», — выругалась.

После граненого стилета легких ран не бывает. Лучше трижды получить ножом, чем один такой в живот.

Она сплюнула. Руки тряслись. Надо было срочно найти живую кровь — стянуть раны. Но если не найти того, что хотел заказчик, ей не заплатят. А без денег она не переживёт следующий месяц.

Она зажала бок и подошла к письменному столу. Выдрала ящички и высыпала на пол содержимое, пачкая кровью. Обнаружила тайник. Двинула ногой, и дощечки рассыпались. По-

добрала записную книжицу в инкрустированном переплете, сунула за пазуху и потащилась вниз.

Перед глазами уже начали бегать мушки. В ушах грохотало собственное сердце. Спотыкаясь, оббиваясь об углы прилавков, она дошла до окна. Распахнула ставни и вывалилась на улицу.

Над городом всходила луна и серебро заливало улицы. Нужно было срочно найти человека: без живой крови к утру она отдаст концы.

Талла подошла к ближайшему дому и попыталась выбить дверь. Замок не поддался. Подошла к соседнему — то же самое. В ремесленном квартале не бедствовали и на засовах не экономили.

Кровь текла по ноге в сапог. В голове шумело, перекрывая звуки улицы и делая ее наполовину слепой без острого слуха. Черные мушки разрослись в мутные пятна и плавали, закрывая обзор.

Надо было срочно добраться ближе к трущобам, где у жителей нет денег на хорошие замки. Выбьет дверь и выпьет первого, кто попадется под руку.

Она похромала по пустынной улице. Голова тяжелела. Ноги слабели. И сквозь боль она снова слышала, как зовет Луна.

Что за злобные демоны послали ей этот заказ?

Возле какой-то лавки она споткнулась и рухнула в сложенные шалашиком подпорки и тряпки дневного навеса. Да так

и осталась лежать. Звезды раскинулись над ней и то гасли, то разгорались ярче, пока совсем не почернели.

«Дерьмо», — подумала Талла и потеряла сознание.

Аксель

Аксель проснулся перед рассветом. В голове еще шумело, но уже не так сильно. Он осторожно сел и спустил ноги на пол, задев жестяной тазик. Темная жидкость лениво бултыхнулась, и по комнате поплыл запах рвоты. Аксель согнулся, давая новый спазм. Продышался сквозь зубы и подошел к маленькому окошку. Распахнул ставни.

Небо над восточным краем уже начало светлеть, значит, улицы уже безопасны. Он высунулся по пояс и жадно вдыхал предрассветную прохладу. Боль отпускала, оставляя лишь зудящее напоминание в висках. Но до завтра и оно пройдет.

Воздух струился в легкие живительной волной. Нужно было вернуться в казармы до побудки, чтобы избежать объяснений с комендантом. Если выйдет сейчас, как раз успеет привести себя в порядок до того, как всю казарму поднимут.

Он с неохотой втянулся обратно в пропахшую потом и рвотой комнатку. Подобрал сапоги и выскочил в коридор. Уже там обулся и спустился. За пустым прилавком никого не было. Хозяйка с вечера заперла дверь и спокойно ушла спать — по ночам гостей в Суфаре не встречают. Аксель отпер дверь и вышел на улицу.

Домишки жались друг к другу вплотную, сливаясь в стены единого лабиринта, расчерченного хлипкими дверями и редкими зарешеченными окошками.

Вскоре земляные улицы сменились булыжными мостовыми ремесленного квартала. Глинобитные стены уступили место аккуратным постройкам из песчаника. Над проходами перекинулись широкие арки, соединявшие дома на противоположных сторонах. Двери стали шире и мощнее. Стало заметно чище. Аксель почувствовал себя уверенней.

У одного из домов он увидел невнятную кучу тряпья и длинных палок. Хотел обойти, но вдруг заметил торчащие из-под тряпья ноги в кожаных штанах и добротных сапогах. Притормозил. Сапоги были хорошие. Местного покроя, но из дорогой кожи. На рынке за такие берут серебром.

Он примерился к ногам и легонько попинал. Ступни вяло покачались, но обладатель как будто бы не отреагировал. Аксель оглядел улицу: пока пустынно. Если быстро стащить, можно потом толкнуть на рынке. Нищему маркизу сложно поддерживать репутацию на гвардейское жалование, пусть и офицерское. Да и парадную форму почистить — удовольствие недешевое. Не самому же ему в прачки заделываться.

Он присел и потянул сапог. Размерчик оказался миниатюрный. На женщину.

Вдруг из-под тряпья послышался стон. Аксель дернул и быстро стащил сапог.

— Сука, — захрипело из-под тряпья, и полог откинулся.

На Акселя смотрела девчонка. Из местных: смуглая, черноволосая, глаза запали, а губы посерели, но смотрела с неприкрытой злобой.

Аксель ухватил второй сапог. Девка двинула босой ногой ему в челюсть. Зубы громко клацнули. Губа треснула, и кровь струйкой потекла по подбородку.

— Вот тварь, — он крепче вцепился в свою добычу.

Девка рванула вперед и вцепилась ему в плечи. Мышцы пронзило болью, как будто у нее там были когти. Они вдвоем завалились в тряпье. Аксель зашарил по привязи, но меч запутался в тряпках. Вдруг ее рот прильнул к шее. Горячее дыхание обожгло. Что-то острое вспороло кожу и сжалось, выдирая плоть.

Аксель заорал и двинул девке под ребра. Там было мягко и липко. Она отцепилась и закашлялась кровью. Он запутался в тряпках. Девка саданула лбом между глаз. Нос хрустнул, и теплым ливануло на подбородок. Под черепом зазвенело.

Она перекатилась, оседлала его и вдруг развернула здоровенные пепельно-серые крылья с поломанными перьями.

Акселя прошибло — никакая это не девка.

Стрикса! Кровососка!

Страх рванул к горлу.

А она по-птичьи склонила голову и уставилась на него немигающими янтарными глазами. Бледные губы были испачканы его кровью. Она медленно приближалась, а он смотрел, не в силах пошевелиться, будто замороженный этим

взглядом.

Она моргнула, и наваждение пропало. Аксель дернулся. Дал кулаком ей в окровавленный бок. Стрикса зашипела. Закашлялась, давясь кровью. Он откинул ее. Вскочил на ноги. Она бросилась сзади. Впилась в шею. Жадно присосалась. Аксель чувствовал, как влажно чавкают ее губы под самым ухом.

Толкнулся ногами и впечатал ее спиной в стену. Рот с чпокающим звуком оторвался от шеи. Акселя чуть не вывернуло. Стрикса вцепилась ему в волосы и неожиданно рванула назад. Он потерял равновесие и свалился на землю. Она оказалась наверху. Двинула его затылком об мостовую, и в глазах потемнело. Все перепуталось. Дыхание сбилось. Влажный рот присосался к шее. В ушах нарастал шум. А потом вдруг тяжесть сместилась ниже. Боль в шее прекратилась и стрикса тяжело задышала. Он почувствовал ее подвижный горячий язык. Треск одежды. Она заерзала. Деранула мундир, потом рубаху, потом штаны и вцепилась ему в сосок. Он попытался стряхнуть, но руки стали тяжелые. Она отпихнула и ритмично задвигалась на бедрах. А Аксель только хватал ртом воздух и пытался не потерять сознание.

Потом она коротко выдохнула. Где-то хлопнул засов, и тяжесть вдруг пропала. Перед глазами мелькнули широкие крылья. Лицо обсыпало пылью. И все прекратилось. Только ее пошатывающийся силуэт мелькнул в боковом зрении и скрылся за поворотом.

Аксель лежал на мостовой и с трудом пропихивал дыхание в легкие. В голове шумело. Шея горела огнем. Ветер холодил мокрую кожу от горла до самого паха. Он перевернулся набок, и его вырвало. Тело трясло от слабости и омерзения. Неподалеку слышались звуки открывающихся ставен и тихие голоса.

«Сука» — подумал он, — «Что это было?»

Потом медленно поднялся на колени и оглядел улицу. Перед глазами плясали цветные пятна. Тряпье, на котором он валялся, было густо вымазано кровью. Одежда висела ключьями, словно ее посекали ножами.

— Сука, — выругался он уже вслух и встал на ноги, прижимая кровоточащую рану на шее.

Надо было убираться — ремесленный квартал встает рано, а свидетели такого позора ему точно не нужны. За поворотом слышался гомон голосов. Он подтянул падающие штаны, другой рукой запахнул ошметки мундира и потащился к казармам, подсчитывая в уме, во что встанет пошив новой парадной формы. В соседнем переулке мелькнула вывеска с золотой подковой. Несколько чернявых голов повернулись в его сторону и проводили взглядом.

Глава 2. Хлеб насущный

Аксель

К боковому дворцовому входу Аксель добрался уже под ярким солнцем. На улицах всюду сновали прохожие — местные, скорее всего, слуги, — и провожали его взглядами. Аксель, как мог, держался прямо, но падающие портки и разодранный мундир сильно мешали. Дворцовые караульные встретили недоумением.

— Горячая ночка? — гыгыкнул один.

Аксель уже открыл рот

— Аксель ван Дайк! — разнесся над улицей надменный голос.

Герцога Изманда сложно было не узнать.

— Ты что себе позволяешь?!

Аксель обернулся, загодя склонившись в почтительном поклоне и прикидывая, чем отпотчует его вспыльчивый наместник за нарушение режима, драный мундир и побитую морду

— Прошу прощения, ваша светлость. Не ожидал вас увидеть в этот час.

— И потому пришел в таком виде? — герцог изогнул свет-

лую бровь.

Смуглый слуга держал над ним белоснежный зонтик, закрывая от солнечных лучей.

— Никак нет, ваша светлость, — почтительно возразил Аксель, — я спешил во дворец.

— Откуда? Из квартала удовольствий?

— Гвардейцу не пристало посещать такие места, ваша светлость. Я был в ремесленном квартале, навещал знакомых, когда на меня напали.

— Чушь! В ремесленном квартале не нападают на людей.

— Прошу прощения, — Аксель склонился ниже, — но утренняя стража может подтвердить — это случилось возле ломбарда. И там же было какое-то еще происшествие. Я видел.

Герцог сощурился, внимательно оглядел Акселя и отрывисто скомандовал:

— Быстро за мной, нечего позорить мундир посреди улицы.

Он размашистой походкой зашел внутрь. Аксель поспешил следом. Но герцог вместо взбучки отчего-то огляделся по сторонам и со злобой спросил:

— Что ты видел?

— Я видел переполох возле ломбарда, а еще стриксу.

— Чушь! Кровососы не вылезают из трущоб. И стрикса не отпустила бы тебя живым.

— Кажется, ее спугнули.

Герцог сжал губы. Слуга качнул зонтом и задел напوماженную герцогскую голову. В тот же момент Изманд выхватил древяшко и с размаху двинул набалдашником ему прямо в лицо, сложил зонт и хрястнул так, что трость треснула. Отбросил ненужную деревяшку и рывкнул:

— Что застыл? Иди за новым!

Слуга попятился, не отнимая рук от разбитого лица, и скрылся за поворотом. Аксель смотрел на изуродованный зонтик — тонкая работа. Безнадежно испорченная.

— Повтори, где это было? — герцог откинул светлые пряди и повернулся к Акселю.

— Я запомнил вывеску «Золотая Подкова».

Герцог нервно покусал губы и после паузы приказал:

— Из уважения к твоему покойному отцу я закрою глаза на то, что ты покидал ночью казармы. Но ты немедленно отправишься к начальнику стражи и подашь рапорт о случившемся. Я распоряджусь, чтобы перерыли трущобы и выкурили эту кровососку.

Он уже развернулся, как вдруг из ближайшего коридора послышался стук трости и показался хромой силуэт в длинной белоснежной джеллабе.

— Простите, ваша светлость, — проговорил хромой, смягчая согласные на саммаранский манер, — я случайно услышал окончание вашего разговора.

— Менад, — скривился герцог, — вы, как всегда, случайно оказались там, где вас быть не должно.

— Прошу прощения, ваша светлость, — старик склонился в неуклюжем поклоне, — увечье делает мой сон тревожным и кратким. А прогулки, наоборот, успокаивают разум. Не вините меня в том. Я не хотел стать свидетелем вашего разговора.

— Но стали, — недовольно выдавил герцог, — чего вы хотели.

Старик зыркнул на Акселя. Наморщил большой нос, пожевал полные губы. Его смуглое лицо от этого стало похоже на печеную сливу, но потом снова приняло любезное выражение, и он проговорил:

— Простите, что побеспокоил. Я лишь хотел удостовериться, что с господином Акселем все в порядке. Мы были дружны с его отцом, и я в некотором роде беспокоюсь.

— Мы все беспокоимся, но вопрос улажен.

— Хвала короне и вашему мудрому наместничеству, — поклонился Менад.

Герцог скривил тонкие губы и нервно удалился.

— Как вы, мой дорогой? — спросил Менад уже у Акселя.

— Как видите, дядя, — Аксель пожал плечами, — но ничего серьезного. Не извольте беспокоиться.

— Так вы считаете, что это была стрикса?

— Я в этом уверен.

— И вы видели ее? Запомнили?

— Безусловно. Вряд ли я такое смогу забыть.

— Получается, она напала на ломбард, была ранена и по-

том ушла?

— Не знаю, я этого не видел, — пожал плечами Аксель, — но она точно была живая, когда мы разошлись.

— Хвала богам, — пробормотал Менад как будто бы сам себе, а потом добавил уже громче, — мне жаль, мой мальчик, но я рад, что вы целы. Берегите себя.

— Благодарю.

Аксель попрощался и направился к казарме.

В комендантской его встретил сам начальник королевской стражи — престарелый баронет. Он топорщил усы и фыркал слюной, распекая за испорченный мундир и побитую морду. А Аксель думал, что в Валлии мелкий дворянин никогда бы не позволил так обращаться к маркизу. Но здесь, на пропечённых задворках империи, где у Акселя не осталось ни земель, ни власти, старик никогда не упускал случая щелкнуть его по носу и лишний раз показать, у кого реальная власть.

— На четыре дня отстраняешься от службы! — краснея лицом, выкрикнул баронет, — пока рожа твоя бесстыдная не заживет.

Аксель скривил губы и промолчал. Баронет покраснел еще больше.

— Без жалования!

Аксель метнул злобный взгляд.

— Нечего зыркать на меня, — гавкнул баронет, — раньше надо было думать, когда шлялся непонятно где. До конца дня жду рапорт о происшествии. И не смей показываться на глаза

с такой мордой. Позорище. Да к возвращению, чтобы был при новом мундире, а не в этом непотребстве.

Баронет брезгливо оглядел дрань, в которую превратилась парадная форма, и жестом показал на дверь.

— Слушаюсь, сир Дамонд, — выдавил Аксель и вышел из комнаты.

Лицо горело от ярости.

Он несколько раз шумно выдохнул сквозь зубы и быстрым шагом направился к казарме.

Талла

Солнце уже всползло на край небосвода и позолотило окраины Суфара, которые в этот час казались почти красивыми. Талла сидела на крыше полуразрушенного амбара. Когда-то здесь хранилось зерно, но теперь в гулком помещении под ней ночевали попрошайки и нищие. Талла слышала, как они сонно ворочаются и вяло переругиваются.

Она приподняла жилетку и осмотрела бок. На коже рваным бугром темнел шрам. Помяла пальцем — болело. Сильно.

Она вытянула крыло и вытащила несколько сломанных перьев. Пригладила. В ровном крае появилась щербатая зазубрина. С сожалением провела пальцем по дыре и встряхнула крыльями. В боку резануло болью.

Знала ведь, что нельзя идти на дело, когда Луна взывает.

Но обещали хорошую плату вот и повелась. Она вздохнула: если бы не зов, допила бы валлийца досуха, и уже была целехонька. Но мускус молодого пропотевшего тела оказался сильнее, чем жажда крови. А потом потом проснулись люди, и ей пришлось оставить свою добычу и сбежать.

И теперь что? Талла окинула взглядом щербатые крыши трущоб. Крови валлийца она успела взять самую малость. Хватило, чтобы едва стянуть раны. И теперь, если не найдет новую жертву, будет ходить пешком, пока заживают. И пока ее не прирежут в какой-нибудь подворотне и не разберут перья на сувениры, а когти с зубами на амулеты.

«Ну хоть Луна этой ночью осталась довольна Валлиец был хорошим подношением».

Талла вздохнула, подхватила длинный серый плащ и пошла к краю крыши, где в стене торчали ветхие скобы. Ухватилась руками и медленно полезла вниз. Было странно и неудобно. Крылатые не лазают по лестницам.

Оказавшись внизу, она осмотрела узкую, почти сомкнувшуюся над головой улочку. Трущобы спали. Солнце вниз едва проникало, и то только в зените, когда тени съеживались до крошечных островков, и жгучие лучи падали сквозь корявые щели между хибарами. Рассохшиеся хлипкие двери висели кое-как — пихни и развалятся, но и тут все пороги были тщательно присыпаны солью, а на проемах виднелись темные потеки жертвенной воды. Уж на это-то всегда находились деньги.

Она подумала вломиться в какую-то из хибар, но в труппах живут тесно, и кто-нибудь непременно поднимет шум. Потом заметила, что у лачуги с проломленной крышей кто-то лежал. Прислушалась — человек. Живой. Принюхалась — пьяный. Оглядела улицу еще раз. Люди спали. Из-за хлипких дверей доносилось мерное дыхание. Она накинула плащ и спрятала лицо и крылья под глубоким капюшоном. Осторожно приблизилась к пьяному и снова прислушалась. Тихо.

Присела, обвила его руками, зажала ладонью нос и рот, не давая вздохнуть, и приникла губами к грязной шее. Кожа оказалась горячей и дряблой. Рот наполнился вязкой кровью, отдающей кислятиной и какой-то гнилью.

«Больной», — скривилась Талла.

Пьяный задергался. Она прижала покрепче и глубже вдавила клыки. Послышалось слабое мычание. Талла навалилась и глубоко вгрызлась в шею. Тугой фонтан из артерии ударил в рот. Шумно большими глотками она принялась пить. Пьяный дергался все слабее, а потом и вовсе затих.

Талла слизнула последние капли и вытерла рот тыльной стороной ладони. Рыгнула в кулак. Потом вынула из сапога нож и перерезала трупку горло, скрывая следы зубов: не стоит пачкать там, где живешь. Прижала ноющий бок рукой и похромала прочь. Надо было найти тихий закуток подальше отсюда и переждать, пока тело полностью залечит рану.

Труппы по-прежнему спали.

Аксель

Аксель миновал прохладный сад с журчащим фонтаном и цветущими глициниями и свернул в апельсиновую аллею, которая дальним концом примыкала к служебным помещениям. Оставалось еще метров сто, и он сможет, наконец, помыться и переодеться, и, может быть, даже успеет проскользнуть, пока большая часть гвардейцев спит.

Вдруг из бокового ответвления выплыла пышная юбка с золотым шитьем на подоле, а за юбкой явилась баронесса фон Гример — одна из немногих, кто могла позволить себе уникальные ткани из самой Валлии. Аксель скривился — баронесса питала известную слабость к молодым мужчинам, и он нередко этим пользовался, когда бывал на мели. Терять лицо перед ней не хотелось. Но и скрыться было некуда, так что он решил попытаться разыграть карту. Расправил плечи и вздернул подбородок. При удачном исходе баронесса вполне могла бы стать спонсором его нового камзола.

— Ах, дорогой маркиз!

Баронесса вскинула руки — худые, в набухших венах и крупных перстнях.

— Не извольте беспокоиться, ваша милость, — сладко промурлыкал Аксель и слегка поклонился.

Баронесса невзначай приблизилась, разглядывая порванную одежду и его оголенную грудь. Аксель наклонился ниже,

чтобы она могла получше заглянуть под рубаху, и ласково проговорил:

— Я охранял вашу красоту от разбойников этого проклятого города.

— Лыстец! — На худых щеках баронессы разлился пятнистый румянец.

— Ни в коем случае, — Аксель, нарочито скользнул взглядом по морщинистому декольте, — для меня честь безречь ваш покой. Только нужно несколько минут, чтобы привести себя в достойный вид.

— Такой вид мне нравится даже больше, — прищурилась баронесса, — позвольте предложить вам рекреации моего дворца.

— Вы невероятно щедры, — он понизил голос, — но ваш супруг...

Баронесса нетерпеливо дернула плечом.

— Мой супруг — не ваши заботы.

— Виноват.

— Виноваты. Придется отработать.

Она прошлась голодным взглядом от груди до самого паха Акселя, и он почувствовал, как подкатила тошнота. Подавил гримасу и любезно улыбнулся:

— Не смею отказывать.

Баронесса щелкнула пальцами, не глядя на служанку, и та убежала выполнять одной ей понятное распоряжение.

— Прошу вас, маркиз, — баронесса указала в сторону,

противоположную от казармы, развернулась и, шурша юбками, скрылась в проходе, из которого недавно появилась.

Аксель подождал, пока стихнут шаги, и расслабил лицо. Тело ныло. На коже все еще ощущались прикосновения стриксы, а желудок болезненно сокращался от воспоминаний о ее зубах и чавканий. Но новая форма — удовольствие дорогое, а баронесса не терпела отказов и опозданий. Надо было собраться и угодить капризной старухе. Он выдохнул, поправил остатки воротника и зашагал в ту же сторону.

Освободился Аксель ближе к полудню. Солнце раскаленным шаром висело прямо над головой, сжирая тени и превращая вымощенные мрамором дорожки и стены в адский горн. Он завернул за угол и, наконец сбросил услужливое выражение лица. От тела исходил удушливый запах розового масла. Шелковая рубаша, подаренная довольной баронессой, липла к коже. На шее, там, где вгрызлась стрикса, красовалась чистая повязка, а чуть ниже, под ключицей, уже наливался свежий засос. Но кошелек приятно оттягивали три золотых и перстень с крупным аметистом. На новый камзол хватит с запасом.

Он нахохлился и хмуро зашагал к казармам.

Его комната была в самом конце длинного коридора. Тесная каморка два на три метра. Из обстановки — кровать, сундук и стул со столом. На стене — выцветший герб рода ван Дайков. В углу — таз для умывания. Аксель плюхнулся

на стул и стащил пропахшую розами шелковую рубашу. Нашарил в сундуке чистую одежду из крашеного хлопка и, наконец, переоделся.

Форменный мундир, точнее, то, что от него осталось, скинул в углу. Шерстяную поддеву выбросил еще у баронессы. А вот шелковую рубашку аккуратно расправил и сложил — дорогая вещица. Сапоги придирчиво осмотрел и поставил в углу — почти не пострадали, но нужно будет занести чистильщику. Переобулся в мягкие кожаные бабуши и, наконец, растянулся на кровати.

Впереди было четыре дня без дежурств. В кармане лежали золотые баронессы. И он даже был почти благодарен стриксе за этот внезапный праздник жизни.

Глава 3. Скажи мне, кто твой враг

Талла

Талла свернулась в узкой щели между обрушенными стенами старой маслобойни. Желудок надулся тяжелым мешком. Дрянная кровь больного пьяницы усваивалась с трудом, но тело справится — яды и болезни оно переваривает за сутки, так что уже к утру можно будет встать на крыло. Она поднялась, придерживаясь за разбитую кладку. Подавила спазм в желудке. И покачиваясь, вышла из своего убежища — надо было собрать городские слухи после ее ночного провала.

Желтое солнце миновало зенит и теперь клонилось в сторону гор, все больше краснея и дрожа в раскаленном воздухе.

Талла, глубоко укутавшись в плащ, вышла на перекресток с сухим фонтаном. Засохшая ракета торчала сломанным пеньком, и возле него играли тощие дети в робах приюта Крови и Соли. Она шла не спеша, стараясь не беспокоить раны и переполненный желудок. Дети заметили и бросили свою игру, следя за ее приближением цепкими черными глазками.

— Хреново выглядишь, — выкрикнул самый длинный,

уже почти подросток с мосластыми коленками и маленькой головой.

— Страх потерял, поганец? — одернула Талла.

— Ты так переваливаешься, что я и на одной ноге убегу.

— Если я захочу, тебя никакие ноги не спасут, — фыркнула Талла.

— Ну ты же не хочешь, — расплылся в нахальной улыбке пацаненок.

— Не хочу, — улыбнулась Талла, — что там в городе слышно?

— А что мне за это будет?

— Я не оторву тебе уши.

— Мало.

— Нахал, — усмехнулась Талла и достала мелкую монетку.

Парень взял и демонстративно потряс грязной ладошкой. Талла вытащила еще одну медяшку. Парень ждал. Талла показала кулак и выложила третью.

Пацаненок, наконец, убрал руку и, понизив голос, проговорил:

— Про тебя тут все трущобы болтают.

— Точно про меня? — усомнилась Талла.

— Ну ищут стриксу, которая прячется в трущобах и подрабатывает грязными заказами. Я сразу про тебя подумал.

— Да. Правильно подумал. И для чего ищут?

— Ты, говорят, переполох в городе устроила. Важного че-

ловека там грохнули и ограбили. А сегодня по трущобам рыскают валлийские хлыщи и про тебя расспрашивают.

— Откуда ты все это знаешь?

— А работа такая — все знать, — усмехнулся пацаненок, — нас никто не замечает, зато замечаем мы.

— Ладно, говори дальше.

— Да нечего больше говорить. Нельзя тебе сейчас на улицах показываться. Валлийцы награду предлагают: за твою голову, какую-то книжку и любую информацию о твоём заказчике.

— Плохо, — кивнула Талла, — спасибо за предостережение.

— И тебе спасибо, — пацаненок улыбнулся, — в приюте тебя не забывают и благодарят за хлеб, который ты присылаешь. Но сейчас туда не ходи — уже расспрашивали про тебя.

Талла потрепала мальчишку по плечу:

— Ладно. Береги себя. Некоторое время не сможем видится.

— Ну ты заходи, как разберешься со своими валлийцами, — кивнул он.

Талла улыбнулась и пошла обратно к маслобойне.

Кому она перешла дорогу с этим заказом? Она вытащила записную книжку и пролистала — страницы были исписаны по-валлийски, и только кое-где стояли приписки саммаранскими цифрами.

Что в ней? И почему в заказе говорилось, что без нее опла-

ты не будет? Да и что вообще теперь с оплатой? Пока она копалась, пропустила утреннюю встречу с человеком заказчика. Может и не спешить теперь, а лучше разыскать того, кто стоял над толстяком из ломбарда, и вернуть книжку ему? Тогда, может, валлийцы нее отвяжутся.

Интересно, это его подчерк на страницах?

Она прошлась пальцами по аккуратным рядам символов. Написано было витиевато. Рука уверенная. Человек с образованием? Возможно, знатный. Жаль, она не читает по-валлийски. Может, в книжке что-то ценное. Тогда могла бы выпить не только жизнь, но и денег поднять.

Вот только как найти того, кто держал толстяка? Вряд ли он раздает рекомендательные грамоты.

Аксель

Аксель сидел на парапете фонтана в дальней части дворца и наблюдал за игрой воды. Из головы не шла та встреча со стриксой. Он прожил двенадцать лет в Суфаре и до сих пор не видел ни одну из них. Да и не интересовался. Знал, что они, бывает, селятся в трущобах больших городов и даже, бывает, ведут почти человеческий образ жизни с поправкой на питание. Но ему всегда казалось, что это просто колониальные выдумки, чтобы пугать валлийцев.

А тут не только увидел, а всем телом прочувствовал ее, кхм, особенности питания.

Он потрогал шею и невольно коснулся прокушенного соска.

Какого демона она вообще делала?

В голове всплыли обрывки воспоминаний: ее рот, бедра, резкие, почти злые движения. Один вздох, и потом – все.

Вдруг стук трости прервал его мысли, и почти сразу появился Менад.

Старик выглядел уставшим и нервным. Руки на набалдашнике трости дрожали больше обычного.

— Ах, вот вы где, мой мальчик, — поприветствовал он и осторожно присел на парапет неподалеку, — как вы себя чувствуете?

— Сносно, — пожал плечами Аксель.

Обсуждать произошедшее не хотелось.

— А могу я попросить вас рассказать, все же, что произошло?

Аксель промолчал, не зная, как отказать бывшему другу отца. Менад был добр к нему, но Аксель – не его отец, и не испытывал к навязчивому старику теплых чувств.

Менад быстро уловил настроение и пошел на попятный:

— Прошу прощения, это было бестактно с моей стороны – просить рассказать о пережитом насилии.

Аксель вскинул брови и удивленно на него посмотрел: неужто и это теперь достояние публики?

— Ах, извините старика! – Менад прижал руку к груди, — валлийский для меня чужой, иногда я путаю слова.

— Бывает, — буркнул Аксель.

— Но, а все-таки, если мы пропустим нападение, вы могли бы рассказать, что видели у ломбарда.

— Дядя, простите. Я действительно не хочу это обсуждать. Все есть в рапорте. Уверен, вам, как кузену султана, не откажут, если попросите изучить подробности.

— Безусловно, — кивнул Менад, — но мне бы не хотелось привлекать к этому событию излишнее внимание. Тем более, если это может стать известно герцогу Изманду.

— А при чем здесь герцог?

— Не уверен, но мне показалось, он был взволнован утром. Да и необычно для него вставать так рано.

— Он наместник валлийской короны, — пожал плечами Аксель, — может ходить, когда захочет, и где захочет. А его дурной нрав — давно не новость.

— Да, — вздохнул Менад, — уж в чем, в чем, а в этом вы, несомненно, правы. Так значит, вы ничего особенного не видели?

— Дядя, — строго глянул на него Аксель, — говорите прямо.

Менад тяжело вздохнул, словно решаясь на что-то отчаянное, а потом торопливо проговорил:

— До меня дошли слухи, что ломбард не просто ограбили. Аксель ждал. Менад пожевал губы и продолжил:

— Искали что-то конкретное. Некую книжку с записями платежей кхм не вполне законного характера. И якобы лом-

бард – это только прикрытие, а в книжке должны быть указания на того, кто стоял выше.

— И что? — Пожал плечами Аксель, — половина Суфара так живет. Подумаешь – ломбард? Не первый в этом городе.

— Да, — Менад наклонился ниже, — но первый, за которым стоит кто-то очень высокий.

— Вы на что-то намекаете? – выгнул бровь Аксель.

— Ни в коем случае! — затряс головой Менад, — но слухи всегда откуда-то берутся.

— Слухи без доказательств – это просто слова. Ветер дует – песок летит. То же самое и со слухами.

— Мой дорогой, — печально покачал головой Менад, — для меня это не просто слова. Вы же знаете, мы были дружны с вашим отцом.

Аксель кивнул.

— Но, увы, ваш батюшка почил самым трагичным образом, а вам остались в наследство чудовищные обстоятельства, доведшие его до могилы.

— Уж мне ли не знать, — фыркнул Аксель.

— Да, но есть кое-что, о чем вы не могли тогда знать в силу своей юности.

— Что именно?

— Только слухи, — развел руками Менад, — и мои домыслы.

— Говорите.

— Коммерция, которую ваш батюшка вел, не была убы-

точной. И он не крал деньги казны. Он процветал. Вначале, по крайней мере. Пока не взял кого-то в партнеры. Он не посвящал меня, но дела стал вести через «Золотую Подкову». А через полгода вскрылись подлоги, кража и долг перед короной, который он никогда бы не смог покрыть.

Менад закачал головой, причитая под нос: «бедный, бедный такой молодой сердце»

— Что еще вы знаете, дядя? – вернул его Аксель.

— По большому счету – ничего. Только слухи. И то, что этот ломбард — действительно чье-то прикрытие. Я надеялся, вы могли что-то видеть этой ночью. Но увы.

Он развел руками и вопросительно посмотрел на Акселя.

Аксель отрицательно покачал головой. В памяти всплыл утренний разговор с герцогом и странное волнение, когда Аксель упомянул «Золотую Подкову».

Он тряхнул головой и встал.

— Простите, дядя, я должен вас оставить. Нужно уладить кое-какие дела.

— Конечно, мой дорогой. Не смею вас задерживать. Простите, что сообщил дурные известия, пусть и запоздалые.

Аксель сжал челюсть. Отец никогда не говорил о партнере. Об этом стоило подумать, но наедине. Не перед Менадом.

— Вы не открыли мне ничего нового, — равнодушно бросил он, — но благодарю за откровенность. Это редкий товар в Суфаре.

— Увы, вы снова правы, — грустно улыбнулся Менад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.